

ЭКСКУРСИЯ ПО КРАЮ С ВЕРШИНЫ ГОРЫ

(Вместо предисловия)

Так и хочется начать на поэтический лад:

Письмян подо мною...

Отсюда удобнее всего провести с читателем экскурс по краю.

Да, сижу на вершине Письмяна, охваченный ностальгическими воспоминаниями о босоногом детстве. Взору предстаёт родная Заречная улица, отделённая от Старых Курбашей полоской сверкающего на солнце Урюма. Под горой зелёным котлованом смотрятся заливные луга, на которых едва угадывается тропа, ведущая сюда, к Письмяну, далее — на Куш-Куль, в Турминское. На тропе, где сижу, когда-то, перекрестив, проводила меня мама в армию. На войну. В иную жизнь. В неизвестность...

Письмян — колыбель моя. С самого нежного возраста мальчишки нашей улицы ходили сюда — часто тайком от родителей и взрослых — кататься на ледянках, салазках, а уже повзрослев — на лыжах, ограничивая себя на первых порах малыми высотами.

Не каждый отваживался скатываться с самой вершушки, ибо гребнем надутые с вершины сугробы бывали круты и опасны при спуске. Чтобы уберечь нас, неслухов, от опасных развлечений, взрослые рассказывали нам страшную историю про мальчика, которому при спуске оторвало голову. Пока голова, как футбольный мяч, самостоятельно катилась с горы, она не переставала покайнно повторять аж до самого подножия: «Я больше не буду!» Я верил этой сказке (а может, — были?), трусил и всё же убегал на гору.

Весной в писмянском лесу мы собирали раннюю зелень на витаминные щи или ботвинью, летом приходили собирать землянику и наслаждаться дивным запахом диких роз. А ранней осенью, украдкой от поселенцев Александровки, — полакомиться лесными орехами. Ибо хозяевами леса даже в 30-е гг. ещё считались они. Лес, вместе с прилегающими землями и лугами был жалован им за верную службу императором Александром. Мы очень боялись попасться александровцам не то что в лапы — на глаза! Хотя пугали нас уже мнимые хозяева. Самих служивых давно уж не было в живых, а лес, как и земля, был национализирован.

Посёлок Александровка — дворов в двадцать — некогда состоящий лишь из русских гренадеров, следует ныне считать кряшенским. Привыкшие быть полновластными хозяевами своей земли, потомки гренадеров не смирились с колхозной формой организации труда. Одна за другой их семьи покинули посёлок, подались в города. Их место заняли социально малоподвижные кряшены окрестных селений.

Представлю теперь другие кряшенские поселения Молькеевского края. С вершины Письмяна, при взоре, направленном на запад, в центре котлована — *Иске Кырбашы* (Старые Курбашы). Правее, с небольшим промежутком за улицей Заречной, *Югары Кырбашы*, известное сегодня как с. Молькеево — географический и некогда духовный центр молькеевских кряшен. На левом крыле нашей деревни, на другом конце воображаемой диагонали котлована, гора Чирмеш, в действительности просто возвышенность примерно такой же высоты, что и Письмян.

Левее, на юго-западном склоне котлована просматривается краешек мишарского с. Чутеева (поблизости есть другое — чувашское). Ещё левее, на Таябинской возвышенности, еле виднеются деревья селения Баймурза (или *Киексары*. У него есть ещё одно название — *Эрэ-оно*, которое сыграло важную роль при разгадке места выхода переселенцев!). Совсем влево, на дне котлована — Полевая Буа, а между ней и Баймурзой, в складках местности прячется Старая Буа. За спиной у меня — Кош-Куль, или Куш-Куль, — починок дворов на тридцать. Название про-

исходит от небольшого озера, высохшего уже при моей памяти.

Справа, если двигаться по хребту Письмяна, в километрах пяти будет Хозесаново (*Хужа Хасан*).

Если бы взору не мешали деревья, растущие в русле реки Урюм, да возвышенность, то в километрах трёх можно было бы узреть Янгозино-Суринское, а правее, за лесистой возвышенностью, в километрах четырёх, с. Старое Тябердино.

Чтобы перечислить все кряшенские поселения Молькеевского края (куста) осталось назвать только с. Большое (Базарное) Тябердино, расположенное на Кубне за Чутеевом да д. Камылово (Камыл), что в трёх километрах от Старого Тябердина на запад.

Теперь внесём некоторые поправки. Ради демонстрации компактности размещения кряшенских селений они представлены сидящими внутри или около одного котлована. В действительности всё несколько сложнее.

Поскольку русла рек Урюм и Кубня, к которым все перечисленные селения тяготеют, петляют и извиваются, исторические берега их, словно сегменты диафрагмы фотообъектива, перекрываемые складками местности, издали смотрятся как склоны одного круглого котлована. Так что при внимательном рассмотрении за видимой впадиной окажутся Хозесаново, Большое и Старое Тябердино и Камылово.

Нуждается в корректировке и понятие гор.

Тот, кому приходилось преодолевать (до строительства асфальтовой дороги) на велосипеде, на лошади с поклажей или на машине в сыкотную погоду с поймы Кубни, скажем, Турминскую, Хозесановскую горы или Письмянские склоны, конечно, посчитает их горами. Тяжело, знаете ли, тащить на них грузы. Попробуйте — будете того же мнения. И возропщете: какой чёрт их тут насооружал?!

Будучи мальчиком любознательным, я однажды спросил у отца:

— Кто сделал эти горы?

Бытие, как известно, определяет сознание. И отец-землепашец объяснил мне так:

— В незапамятные времена весной по нашим краям проходил великан Алып. По тучным землям шёл изда-

лека и набрал в свои лапти много землицы, что мешало ему шагать. Тогда он снял лапоть с одной ноги, стряхнул землицу — образовалась Турминская гора; стряхнул с другой — Письмянская. Такое объяснение меня тогда вполне устраивало. Геолог или гидрогеолог объяснил бы это иначе. Не столь быть может профессионально и грамотно, как они, но придётся сегодня это сделать мне.

Когда-то в наших краях бушевало море. Оно ушло и на ровном некогда дне моря Урюм, Кубня и стекающие к ним малые речки за миллионы лет работы вынесли отсюда многие миллионы тонн грунта. Унесли в Свиягу, Волгу, Каспий. В результате неутомимой их деятельности образовался сегодняшней ландшафт. Поймы рек теперь нам видятся долинами, а исторические берега их — горками. Но впредь и мы будем придерживаться терминологии, принятой местным населением.

Над изменением ландшафта края поработали не только силы природы. Велико оказалось антропологическое воздействие на него человека.

Местность некогда вся, видимо, была покрыта лесами. Как напоминание о шумевшей на Чирмеш-горе дубраве прежние обитатели оставили на восточном склоне единственный дуб. От свирепых ветров защищённый верхушкой горы, даже лишённый поддержки собратьев, он живёт и поныне служит путнику приютом от дождей и зноя. Дуб напоминает мне о босоногом детстве, когда под горой, на *Кирымат асты*, пас гусей села по наступившей очереди или по найму, чтобы заработать на учебники. Он олицетворяет малую родину, дорог как память юности, и в каждый приезд как к старому знакомому я хожу к нему здороваться...

Дубраву свели, по-видимому, аборигены-черемисы, которые навещали эти места даже столетия спустя, при юности моего отца, т. е. каких-то 115 лет назад. Отец помнил даже мотив и слова песни черемисов, таких пронзительных, что при воспроизведении их веяло такой тоской и болью, что хотелось лечь и заплакать.

На голой ныне части Письмяна тоже был лес. Ещё в молодости я застал там корни каких-то деревьев, кусты волчьей ягоды и шиповника. А на северном склоне горы ещё полвека назад жила оставленная порубщиками разлапистая сосна. Эти реликтовые дуб и сосна почи-

тались в округе всеми — им даже приписывалась некая магическая, карающая сила. Распространяемая и поддерживаемая старожилками легенда явно служила целям сохранения этих памятников старины.

Но в годы войны Аркадий Соколов, мой сверстник, спилил ту сосну. Молва гласит, что после этого Аркадий заболел не на шутку.

Антропологическое воздействие на ландшафт имело свои последствия. Лишённые защиты лесов склоны гор со временем размыли вешние и ливневые воды, образовались овраги. Самыми глубокими и, сказал бы, продуктивными оказались Письмянские. Высокие склоны оврагов обнажили удивительно разнообразные и разноцветные — красные, белые, зелёные — пласты. Женщины села именно в них добывали сырьё для побелки печек и голландок, а мужики — камни для каменок бань и мощения дорожек.

В последние годы на строительство шоссейной дороги из Письмяна извлекли немало бутовки и просто грунта, так что прежний облик его ныне заметно деформирован.

Небесполезна была и Чирмеш-гора.

Ранней весной, когда скотину дома кормить уже было нечем, на его проталинах мы, мальчишки, пасли овец; приветствовали освобождающуюся от снега землю, босиком пробегая от проталины к другой. Летом в обнажённых пластах оврагов искали и находили «чёртовы пальчики» — окаменелые останки морских обитателей. Наструганный из них мукообразный порошок во многих семьях тогда использовался как кровоостанавливающее средство.

Под Чирмеш-горой бьют родники, воды которых вкусны и так холодны, что «ломит» зубы. А макушка его сложена из чистой красной глины, годной для производства строительного кирпича. В недавнем прошлом здесь попытались развернуть это производство, но то ли по кадрово-техническим, то ли по экономическим соображениям, дело забросили, гора сохранила прежний вид.

Понятие красоты ландшафта у всех народов мира ассоциируется присутствием двух компонентов — воды и зелёных насаждений. Предки наши вряд ли знали классическое определение красоты, но в выборе места поселения они не ошиблись. Остановились на этих местах, скорее